

УДК 001

ДИНАМИКА НАУЧНЫХ СООБЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НАУКИ

Т.Г. Стоцкая, Р.О. Исаев

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
г. Самара

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.3.039

В статье авторы рассматривают естественно-искусственный процесс развития знания, как один из перспективных путей для формирования нового типа сообществ. Анализируется современный контекст развития информационного общества в части его системных характеристик, влияющих на науку в целом. Выдвигается тезис о закономерном переходе научной деятельности в сферу массового производства. Авторами сформулирована гипотеза о комбинированном (индивидуальном и коллективном) подходе к научному открытию.

Ключевые слова: научные сообщества, этос науки, онтология, эпистемология.

Введение

Одной из самых актуальных и активно обсуждаемых в гуманитарных дисциплинах проблем является проблема определения статуса современной науки, ее потенциала и перспектив. Дискуссии на эту тему неизбежно приводят, во-первых, к необходимости анализа динамики развития научного знания, во-вторых, к признанию того факта, что онтологический, эпистемологический, аксиологический статусы научного сообщества претерпели кардинальные исторические трансформации.

Обзор литературы

Применяя традиционный подход к изучению ценностных установок научного сообщества, предложенный Р. Мертоном и Б. Барбером, можно выделить базовые нормы этоса науки: универсализм, коллективизм, организованный скептицизм, эмоциональная нейтральность [1; 3, р. 126–129; 7–8; 9, р. 267–278]. Авторы определяли этос науки как совокупность нормативов, прежде всего поведенческих, общеобязательных и универсальных для всего научного сообщества. Безусловно, авторами двигала непоколебимая уверенность в необходимости и действенности данных императивов. Так выглядела идеальная модель научной деятельности классической науки. Более того, реализация данной модели даже в самых общих чертах была возможна лишь в узкой профессиональной академической среде. История развития науки, изучение динамики и роста научного знания свидетельствуют о том, что внутренняя

организация науки, социальные и этические нормативы не остаются постоянными. Подобная гибкость науки и позволяет ей, сохраняя целью поиск истины, адаптироваться к изменяющимся внешним условиям.

Основная часть

Более двухсот лет назад Грегор Мендель исследовал генетику растений. Тогда он работал в одиночку и современному человеку может показаться странным тот факт, что он был простым монахом, считающим горох в садах австрийского аббатства. Сейчас же современные лаборатории генетики секвенирования биополимеров мало кого могут удивить, не говоря уже о многочисленных научных кампусах, в которых трудятся тысячи учёных. Многие знают, что сэр Джозеф Джон Томсон является великим учёным, открывшим электрон, но мало кто может представить, что его лабораторное оборудование состояло в основном из простых вакуумных трубок, примитивных магнитов и незамысловатой проводки. Поиск же новых частиц сегодня – это суперколлайдер, информацию которого обрабатывают самые продвинутые компьютеры, чтобы приблизиться к тайнам бозона Хиггса. Безусловно, наука прошла долгий путь за последние несколько сотен лет и теперь у человечества есть более мощные методы анализа данных, более совершенное оборудование для проведения наблюдений и экспериментов, а также гораздо большая широта и глубина научных знаний. А как же сам процесс развития науки? Изменился ли со временем этот фундаментальный аспект научного предприятия и его коллективность?

Появление Интернета позволило публиковать научные результаты быстрее, чем когда-либо прежде. Журнальные статьи часто становятся доступными для чтения в Интернете еще до того, как их напечатают на материальных носителях, да и в целом традиция печати сборников в промышленных масштабах уходит в прошлое. Такое быстрое распространение информации может ускорить темпы развития науки, поскольку результаты последних актуальных исследований могут быть тщательно изучены и воспроизведены с незначительным запаздыванием. По мере того, как все больше журналов предоставляют записи комментариев читателей к опубликованным в электронной форме статьям, процесс рецензирования расширяется: все больше ученых могут дать обратную связь по конкретной статье и они могут сделать это спустя короткое время после первоначальной публикации статьи. Однако поток информации на этом не останавливается. Журналисты также могут быстро получить доступ к научным открытиям и начать распространять их среди широких слоев населения за счёт собственных средств и технологий. Научная информация по широкому спектру тем теперь доступна любому человеку, имеющему доступ к сети Интернет. Это открывает большие возможности к познанию, однако и накладывает определённые требования. «Потребители» информации должны помнить, что в науке первое сообщение о находке никогда не является последним словом. Научный процесс достаточно требователен к временному параметру, если дело касается проверки знания на истинность.

Количественный рост информации должен способствовать развитию критического мышления: создавать возможность для того, чтобы человек мог быть не просто потребителем, но и разборчивым ценителем качественного знания. Ряд журналов вывел свободное распространение информации на новый уровень, сделав оригинальные научные статьи доступными для всех, у кого есть возможность выйти в Интернет. Вполне возможно, что в данном случае нужно констатировать и качественные изменения в форме и стиле коммуникации учёных. Современный научный руководитель может позволить себе вести работу с аспирантами и соискателями дистанционно, благодаря электронной почте, мобильным приложениям и другим удобным утилитам. Технический прогресс также добавил дополнительные возможности к рецензированию и проверке, которым подвергаются научные статьи. В качестве примера можно привести анализ изображений, который позволил развеять один из самых громких мифов научного сообщества о возможности клонирования человеческой эмбриональной стволовой клетки в 2004 г. Примечательно, что после подобных случаев многие журналы стали более тщательно изучать изображения в научных статьях, а некоторые из них часто используют компьютерные программы для цифрового анализа изображений и поиска возможных манипуляций.

По мере развития научных знаний и усложнения вопросов, на которые наука стремится ответить, она становится более специализированной. Раньше сложно было представить себе подобное, так как учёные обладали обширными познаниями в несмежных областях. Так, например Ч. Дарвин был вовлечён в изучение эволюционной теории, геологии, человеческих эмоций, экологии почв, тропических кораллов. Среди примеров в отечественной науке заметно выделяется персона М.В. Ломоносова, умело соединявшая в себе познавательные интенции к физике, химии, астрономии, географии и истории. Можно предположить, что дело не в том, что интересы современных ученых стали более узкими, а в том, что знания человечества расширились до такой степени, что развитие знаний (и ресурсов), необходимых для проведения актуальных исследований, является крайне затратным занятием в экономическом аспекте, а также требует большего времени и усилий. Из-за этого современные ученые, как правило, более специализированы, чем их предшественники. Кроме того, ученые сегодня чаще работают в больших командах независимо от дисциплинарной специализации. В 1960 г. среднее число авторов научных и инженерных статей составляло около 1,9. По состоянию на 2000 г. это число достигло 3,5 и, как представляется, продолжает расти [4]. Самые выдающиеся примеры современной научной командной работы поистине поразительны. В статье, описывающей начальную последовательность генома человека, было более тысячи авторов, и аналогичное число физиков участвует в деятельности на Большом адронном коллайдере [10]. К счастью, прогресс в области коммуникаций и технологий способствовал сплочению учёных и переходу к коллективной деятельности. Можно сказать, что наука пережила переход от личной науки

к коллективной, что делает вопрос о первенстве и почёте особенно острым, однако в данной статье мы не будем останавливаться на вопросе накопления преимуществ, так как он был рассмотрен нами ранее [2].

В 1830-х гг. путешествуя на «Бигле» Чарльз Дарвин собрал для научных исследований обширную коллекцию образцов животных и растений со всего мира. В 1880-х гг. Луи Пастер испытал вакцину, подвергнув группы вакцинированных и невакцинированных овец воздействию бактерий сибирской язвы. В 1890-х гг. исследования радиации Мари и Пьером Кюри проводились без каких-либо мер предосторожности в отношении окружающей среды или собственной безопасности. Примечательно, что их исследовательские записки тех лет все еще настолько радиоактивны, что ученые, желающие изучить их, должны подписать специальный документ, подтверждающий согласие на возможный риск быть облучённым [6]. Сегодня подобные исследования подлежат существенному регулированию со стороны государственных органов и научных организаций. Так сложилось, что исторически относительно немногие руководящие принципы и правила касались этики, безопасности и воздействия научных исследований на окружающую среду, так как люди в поисках новых знаний были готовы на всё. Об этой ситуации предупреждали многие методологи науки XX в., например Т. Кун [5]. В настоящее время общество и научное сообщество все больше обеспокоены последствиями научных исследований, поэтому ведущие научные и правительственные организации разработали руководящие принципы для сведения к минимуму потенциально негативных последствий и обеспечения этического характера проводимых исследований, не говоря уже об объеме документов, которые необходимо подписать, чтобы согласовать с местными властями и международными организациями проведение испытаний (особенно, если дело касается технической сферы науки и опытно конструкторских разработок).

Заключение

Процесс развития науки когерентен прогрессу в области знаний и технологий, а также общественным интересам. Интернет открыл перед учеными новые возможности для обмена информацией и совместной работы над проектами. Расширяющаяся база знаний повлияла на степень специализации ученых в междисциплинарных областях и, соответственно, на то, насколько они (области) предрасположены к кооперации. Конечно же по мере того, как научное сообщество и общество в целом, в которое оно встроено, стали больше беспокоиться о безопасности, защите окружающей среды и обращении с животными и людьми-участниками исследований, были установлены новые ограничения на условия проведения исследования. Эти сдвиги не предполагают каких-либо фундаментальных изменений в том, как работает наука – речь все еще идет о поиске объяснений явлений естественного мира, которые по прежнему не только противостоят многочисленным линиям доказательств и тщательному изучению научного сообщества, но и подчерки-

вают гибкость процесса науки, всегда готовой адаптироваться к новым ситуациям и использовать новые возможности.

Трансформации образа современной науки затронули все ее сферы – социальную, эпистемологическую, ценностную. Наука превратилась в массовую сферу деятельности, место ученого занял коллектив, сообщество. Индивидуальное занятие наукой уступило место особому типу когнитивной и социокультурной деятельности, обладающей собственной системой ценностей и коммуникаций. Взаимозависимость человека и общества возрастают и с прямой неизбежностью повышается ответственность ученого перед обществом.

Данные проблемные точки должны стать объектом пристального философского осмысления.

Список литературы

1. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
2. Шестаков А.А., Стоцкая Т.Г., Исаев Р.О. Научное сообщество как предмет анализа: история изучения вопроса // Право и практика. 2016. № 2. С. 187–195.
3. Barber B. Science and the Social Order. Glencoe; Il: Free Press, 1952. 288 p.
4. Jeffrey P. Smoothing the waters: Observations on the process of cross-disciplinary research collaboration // Social Studies of Science. 2003. № 33. P. 539–562.
5. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: The University of Chicago Press, 1962. 675 p.
6. Marie Curie's Research Papers Are Still Radioactive 100 + Years Later // URL:<http://www.openculture.com/2015/07/marie-curies-research-papers-are-still-radioactive-100-years-later.html> (дата обращения 16.06.2020).
7. Merton R.K. The Ambivalence of Scientists // Science and Society / ed. N. Kaplan. Chicago: Rand McNally, 1965. 112 p.
8. Merton R.K. The Institutional Imperatives of Science // Sociology of Science / ed. B. Barnes. London: Penguin Books, 1972. P. 65–79.
9. Merton R.K. The Sociology of Science. Chicago: Chicago University Press, 1973. 606 p.
10. Wuchty S., Jones B.F., Uzzi B. The increasing dominance of teams in production of knowledge // Science. 2007. № 316. P. 1036–1039.

DYNAMICS OF SCIENTIFIC COMMUNITIES IN THE CONTEMPORARY CONTEXT OF SCIENCE DEVELOPMENT

T.G. Stotskaya, R.O. Isaev

Samara State Technical University, Samara.

In the article, the authors consider the natural-artificial process of knowledge development as one of the promising ways to create a new type of communi-

ty. The article considers the current context of the development of the information society in terms of its system characteristics that affect science as a whole. The thesis about the natural transition of scientific activity to the sphere of mass production is put forward. The authors formulate a hypothesis about a combined (individual and collective) approach to scientific discovery.

Keywords: *scientific communities, ethos of science, ontology, epistemology.*

Об авторах:

СТОЦКАЯ Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО Самарский государственный технический университет, г. Самара. E-mail: stotskaya@yandex.ru

ИСАЕВ Роман Олегович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии ФГБОУ ВО Самарский государственный технический университет, г. Самара. E-mail: romanceisaev@gmail.com

Authors information:

STOTSKAYA Tatyana Gennadievna – PhD, Professor of the Department of philosophy, Samara State Technical University, Samara. E-mail: stotskaya@yandex.ru

ISAEV Roman Olegovich – PhD, Senior Lecturer at the Department of philosophy of the Samara State Technical University, Samara. E-mail: romanceisaev@gmail.com

УДК 141.155

ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: СУБЪЕКТ VERSUS ОБЪЕКТ

Ю.А. Чернавин

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.3.045

В статье рассматривается взаимодействие информационных структур цифрового общества и человека сквозь призму их характеристик как субъекта и объекта. На фоне противостояния двух основных тенденций развития современной мировой цивилизации – гуманизма и технократизма – анализируются возможности, механизмы, направления и противоречивые последствия субъектно-объектной динамики в отношении «информационное пространство – информационный человек». Обосновывается положение о доминировании человека-субъекта как творца общества знания, вывод о необходимости разработки и сути соответствующего типа культуры в качестве главного фактора, обеспечивающего данный статус личности.

Ключевые слова: человек, субъект, объект, цифровое общество, информационное пространство, гуманизм, технократизм.

Новое направление социальной динамики утвердилось в той части современного мира, который идет по пути постиндустриального развития: это процесс утверждения цифрового общества и одновременное формирование личности нового типа – человека информационного (e-Homo Sapiens). В основе взаимосвязанных аспектов лежит цифровизация. Ее смысл, на первый взгляд, относительно прост и сводится к цифровому представлению информации. Иными словами, первоначально речь идет о передовых *средствах деятельности*, способствующих получению и обработке большого массива сведений в интересах повышения эффективности экономики и улучшения качества жизни. Новые информационные технологии в их применении к производственным и коммерческим процессам получили название «цифровая экономика». Буквально за два-три десятилетия цифровая экономика утвердилась как цель и драйвер мирового экономического развития. При этом она качественно изменилась в своем содержании – информационные технологии перестали быть лишь средствами деятельности, они создают некие точки управленческой активности и претендуют на статус доселе невиданных *субъектов*, заменяющих человека. Более того, трансформации подвергаются уже не только экономические, но и все другие виды общественных отношений – новые технологии работают в государственном управлении и управлении социальной сферой, здравоохранении, образовании, военном деле, главенствуют в массовой

культуре и т. д. Социальная практика на деле включилась в создание *цифрового общества*, утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017– 2030 годы».

Цифровое общество не следует рассматривать по отношению к человеку как фактор по преимуществу внешний. Электронная среда не просто имеет человеческое измерение как новая среда обитания личности – она создана человеком. Человек – главный субъект постиндустриального общества, он – автор идей и создатель знания, обуславливающего появление и информационного пространства, и развитие социума в целом. В этом заключается пафос гуманизации новейшей истории. Но останется ли личность, индивид в подобном качестве в рамках нового этапа постиндустриального социума – в цифровом обществе? Нет ли очередного обострения ситуации, когда техника в своей социальной значимости опережает человека? Причем в современной ситуации доминирует таким образом, что превращается из средств деятельности в их субъект, превращая индивида в объект воздействия и манипулирования. Безусловно, столь объемная задача не решится в статье, речь идет лишь о приближении к ее сути, конкретизации, отдельных суждениях выводного характера. Их обоснование осуществляется в рамках социально-философской антропологии, где исследуются *человек* и общество как его продолжение и продукт жизнедеятельности. Но не наоборот.

Концептуальную основу подхода к проблеме составляют представления, сформированные при рассмотрении более общих вопросов, – это соотношение гуманизма и технократизма в качестве цивилизационных характеристик современного мира, их связанность с духовностью и способом мышления человека, опирающегося в своей деятельности на знания и информацию и предстающего в качестве *субъекта социального бытия*. Цель: анализ взаимодействий информационных структур современного общества и индивида с точки зрения диалектики субъекта и объекта, обоснование способа разрешения возникающих проблем и противоречий.

Размышления по поводу вопроса «кто (что) субъект?» логично сопровождать вопросами о социальных характеристиках этого субъекта, определяющих способы его мышления (если оно есть) и направления деятельности или функционирования. Вне этих аспектов опознание субъекта не даст понимания и разрешения проблемы в ее целостности.

Исторически сложилось так, что формирование понятия «субъект» в его современном понимании и характеристик гуманизма как системы мировоззренческих ценностей пришлось на одну эпоху – Новое время. Более того, эти процессы связаны между собой: один находит отражение в другом, и наоборот.

Понимание субъекта и субъективности отшлифовывалось в философии на протяжении тысячелетий. Развивающийся дискурс имел в центре своего внимания проблему человеческого разума (хотя вплоть до Возрождения человек рассматривался и как *субстанция*), который в ан-

тичной философии выступал управляющим центром и являлся главным арбитром в вопросе истины. Но в целом мир представлял как иерархия различных форм бытия: неорганические вещи, живая природа, человек. В период Нового времени происходит сдвиг парадигмы – иерархия сводится к дуализму. Возникают, с одной стороны, познающий субъект, с другой – познаваемый объект. В субъект превращается человек, а предметы, события, процессы, представляющие окружающий мир, становятся объектами. Субъект обладает мышлением, способен к познанию, объекты науки приобрели «чистоту», поскольку лишены «налета» субъективности и обладают лишь количественно измеримыми свойствами (при этом следует помнить о двойственности субъекта, одновременно выступающего также и в качестве объекта при познании человека человеком).

Итак, первоначально субъект и объект локализируются в гносеологии. Значимость этих категорий в философии XVII–XVIII вв. становится настолько высокой, что эпистемология, исследующая познавательные возможности человека-субъекта, оказывается общим фундаментом философии Нового времени. Однако процесс превращения человека в субъект, природы – в объект пошел гораздо дальше и имел следствием появление отношений эксплуатации субъектом объекта. Используя научные причинные объяснения, прогнозы, а затем и технические средства для достижения своих задач, человек-субъект приобретает власть над объектом. Отныне он становится властелином универсума объектов [4].

Становлению субъектно-объектных отношений подобного рода способствовали социальные характеристики Нового времени. Развитие городской жизни, научно-технических знаний, промышленности и торговли выявляет в человеке не только душу как место встречи с Богом, но и разнообразные Я – познания и научной деятельности, морали, права, собственности, профессиональной деятельности, предпринимательства и т. д. В результате рельефно обозначаются различные Я-субъекты. Я человека оказывается противопоставленным чему-то другому – не-Я [8, с. 53], объекту, на который человек-субъект, во-первых, направляет свое сознание, познание, действие, во-вторых, он доминирует, даже властвует над объектом.

В подобном ключе формируются мировоззренческие и нравственные позиции, определившие идеи гуманизма, а также в целом культуру цивилизации, построенной на антропоцентризме. Человек как активный субъект утверждает себя уже не только и не столько в мыслительной и теоретической области, сколько в жизни, практической деятельности. В противовес церковному требованию посвятить земную жизнь искуплению грехов гуманисты провозгласили человека венцом мироздания, утвердили его право на земное счастье, способность к нравственному самосовершенствованию. В движении Реформации, далее в творчестве гигантов Просвещения закладывались принципиальные черты европейской цивилизации с ее познавательным оптимизмом, культом разума, науки, свободной личности, индивидуализма и предпринимательской инициативы.

Таким образом, человек-субъект, образ которого сложился на фоне гуманизма Нового времени, соответствует классическому этапу развития науки. Он наделяется творческим мышлением и способностью к познанию; опираясь на разум, полагает себя центром вселенной и стремится к ее покорению и преобразованию в соответствии со своими планами. Для полноты картины следует подчеркнуть: на протяжении XX в. судьба «субъекта» менялась значительно, вплоть до его отрицания в философии постмодернизма, но в данном случае этот подход не способствует разрешению нашей проблемы.

Понятию и практике гуманизма в современной философии и деятельности противостоит понятие технократизма. Если гуманисты рассматривают исторический процесс как движение от варварства и агрессии к человеколюбию, то технократы считают возникновение науки и техники рубежом, перейдя который, человечество будет развиваться по законам возникшей техносферы. «Сила, скрытая в современной технике, – подчеркивает М. Хайдеггер, – определяет отношение к тому, что есть» [12].

В философской мысли технократическая традиция, как и гуманистическая, имеет давнюю историю. Но в целом технократизм – любимое детище научного сознания Нового времени. В научной литературе разработаны концепции Д. Гэлбрейта, У. Ростоу, Д. Бэлла, З. Бжезинского, Э. Тоффлера, раскрывающие сущность современной цивилизации не как гуманистической, а как «машинной» или техногенной. Е. Масуда – автор концепции информационного общества.

Анализ сущности и содержания гуманизма и технократизма приводит к заключению: столь различные концепции имеют общий мировоззренческий и методологический (и исторический) источник. Это рационализм Нового времени, игнорирующий целостность человека, абсолютизирующий лишь одну характеристику личности, один способ овладения интеллектуальной и практической культурой, опирающийся на *ratio* – разум. Это предопределяет их родство и неразрывность, а может быть, и историческую судьбу.

Социальная траектория гуманизма и технократизма в XX в. в ряде аспектов сходна. Гуманизм Нового времени в его просветительской интерпретации потерпел поражение, и вследствие он этого резко критикуется. Общество, исповедующее антропоцентризм, пришло к разрыву между человеком и бытием, отчуждению от человека созданной им и закабалившей его научно-технической реальности, потере жизненных, культурных и религиозных корней, обесмысливанию мира. В литературе утверждается мысль о произошедшей в XX в. «антропологической катастрофе». С такого рода критикой, как известно, выступал М. Хайдеггер в его знаменитом «Письме о гуманизме». Иными словами, человек, заявленный в качестве главного субъекта бытия, не сумел стать таковым.

Характеристики рациональности, лежащие в основе концепций техногенной цивилизации, в XX столетии стали угрожать ситуацией,

когда личность превращается в элемент, деталь техники. Ее функционирование и функционирование «привязанного» к ней человека создает одномерно-количественный подход к жизни, деятельности, мышлению, духовной культуре, нравственным ценностям. М. Хайдеггер пишет о таком мышлении как о «вычисляющем» мышлении, «бегстве от мышления», противопоставляя ему «осмысляющее мышление» [12]. Суть технократизма – в закреплении частичности, одномерности человека, «линейности» его мышления и деятельности, их определенной запрограммированности. Это – путь к снижению способности и значимости человека как субъекта бытия, его постепенному превращению в объект управления и манипулирования.

Итак, две тенденции претендуют на статус главной характеристики современного этапа мировой цивилизации – гуманизм и технократизм. В научной литературе идут дискуссии по этому поводу, есть сторонники как одной, так и другой. Однако пока ни одна не справляется с задачей, во имя которой в философии XX столетия грянула «антропологическая революция», – представить и исследовать человека как событие, вокруг которого развиваются процессы бытия, как субъект он направляет их и способствует динамике.

Каковы выводы из подобных рассуждений? Необходимость отказа от гуманизма, обманувшего ожидания, и от технократизма, деформирующего цивилизацию? Возвращение к золотому веку человеческой истории?

Анализ человека свидетельствует о неустранимой роли гуманистических идеалов, ценностных систем и нравственно-мировоззренческих ориентиров, вне которых и без которых вся деятельность человека теряет смысл и потому становится невозможной. Другое дело, что наполнение современного демократического гуманизма должно отличаться от его нововременной трактовки. Идет его переосмысливание при движении от принципа антропоцентризма к принципу антропологизма (персоноцентризма). В ходе этого движения мировоззренческая позиция и способ действия, выраженный словами И. Мичурина «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у неё – наша задача», давно ушли в прошлое. Современный подход к гуманизму рассматривает человека, взаимодействующего с обществом и природой на путях учета закономерностей их развития. В целом для определения фундамента современного преобразования феномена значима позиция Дж. Дьюи (1859–1952), полагавшего, что при анализе гуманизма следует исходить из идеи *целостности* человеческой природы, а не только из интеллекта, логики или разума, как это было принято в XVII–XIX вв. Человек – единство природных, культурных, космологических, трансцендентальных и иных характеристик. Но в любом случае объявить сутью современной цивилизации гуманизм было бы опрометчиво, должное и сущее – разные вещи. Кроме того, в современном мире фактор науки, техники, технологии не может находиться на задворках.

Таким образом, *природа современной глобальной цивилизации состоит в амбивалентности гуманизма и технократизма*, существующих при опоре на принцип дополнительности. Гипотетическая реализация их потенциалов проявится в единстве двух ипостасей человека XXI века – одновременно и *одухотворенного*, и *одномерного*, т. е. стремящегося быть субъектом бытия и рискующего превратиться в объект воздействия и управления. Находясь в единстве и противостоянии, данные тенденции (и отражающие их социальную сущность характеристики личности) поддерживают современную цивилизацию в неравновесном и возбужденном состоянии, выступая одним из источников социальной эволюции. Вследствие этого важно двигаться в сторону сближения гуманизма и технократизма, понимая при этом, что они никогда не сольются.

Какова роль цифрового общества в этом движении? Каким процессам она способствует, а каким препятствует? Что (кто) предстает в роли доминирующего субъекта, определяющего способы и направления этого движения?

С точки зрения усиления или уменьшения субъектных возможностей и характеристик человека его взаимодействие с цифровым обществом неоднозначно¹. Поле подобного взаимодействия – *информационное пространство* (киберпространство, сете-цифровое пространство), связанное с электронными средствами и ресурсами обработки данных. С одной стороны, оно может быть выделено в отдельную сферу цифрового общества наряду с социальной, экономической, политической, культурной. С другой стороны, это аспект жизненного мира человека, который предстает как взаимодействие подсистем: «человек – природа», «человек – общество», «человек – человек», «человек – его Я». В нашем случае в применении к *e-Homo Sapiens* данную структуру следует обогащать отношениями «человек – информационное пространство».

В ходе взаимодействия с человеком фактор информационного пространства предстает как некая сила, опознать которую в том или ином индивиде или группе людей далеко не всегда возможно (чаще просто невозможно), поскольку сетевые центры, оказывающие управленческое воздействие, возникают по преимуществу спонтанно в ответ на актуальную ситуацию в жизни или сети, что предопределяет их анонимность и диффузный характер. Более того, воздействия сети зачастую предстают не в виде целенаправленного влияния того или иного субъекта, а складываются как результат коммуникационного взаимодействия многих социальных субъектов, обменивающихся знаниями и создаю-

¹ Проблемы электронной информатизации социума и человека предстают как важнейшее направление современной науки. Их различные аспекты исследуются в работах отечественных авторов (Т.В. Ершова, Н.И. Лапин, Е.А. Мамчур, И.В. Мелик-Гайказян, Н.А. Носов, Е.В. Петрова, М.А. Пронин, В.С. Степин и др.) и зарубежных ученых (Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, К. Вельтман, М. Кастельс, Н. Луман, М. Маклюэн, А. Ронки, Л. Рокки, Ю. Хабермас и др.).

щих их. Наконец, направляющее влияние осуществляют содержательное наполнение транслируемых знаний и их смысл, а также постоянно меняющаяся структура информационных потоков, алгоритмы обработки и подачи сведений, правила общения в сетях. Однако в целом феномены подобного рода неизбежно воздействуют на содержание и механизмы социализации личности, порождая соответствующие интересы и ожидания, мотивы, цели, установки, формы психологической и социальной активности. Результатом взаимодействия информационного пространства и человека становятся изменения субъективного и духовного мира индивида, подвижки его субъектности.

Зачастую эти изменения характеризуют движение в сторону дегуманизации. Так, в частности, в научной литературе, наряду с обретением новых возможностей, отмечают социальный эскапизм человека, погруженного в информационное пространство, особую значимость для него ценностей гедонизма, возрастание Я-центризма и нарциссизма, стремление к самопрезентации, появление рисков и угроз потери атрибутивных признаков личности [2, с. 86]. Однако вряд ли стоит делать акцент на одну сторону личностных изменений – в целом они противоречивы. Чтобы показать это, обратимся к технологиям, посредством которых киберпространство воздействует на личность. Вообще их множество. Например, одна из наиболее значимых *технология виртуализации* представляет собой процесс внедрения в массовое сознание идеальных образов действительности, конструирующих и имитирующих саму реальность. Единицей эксформации, активно транслируемой в киберпространстве, выступает «симулякр» (термин Ж. Бодрийяра). Это символическая копия (пустой символ), оторвавшийся от своего оригинала. Результат виртуализации: удвоение миров, сосуществование реального и виртуального.

По мнению Ж. Бодрийяра, образ, не связанный с реальностью, – фактор, ведущий к плачевным последствиям. Во-первых, человеку, погруженному в симулятивную гиперреальность, не интересны смыслы, наполненность знаний. Таких людей философ причисляет к «массам». «Массы – это те, кто ослеплен игрой символов и поработен стереотипами, это те, кто воспримет все, что угодно, лишь бы это оказалось зрелищным» [3, с. 14]. Помимо этого, во-вторых, длительное пребывание в киберпространстве с его симулякрами порождает (и выражает) стремление индивида скрыться от суровой действительности, избежать выбора и принятия жизненного решения, снизить ответственность. Все вместе взятое, в-третьих, открывает широкие возможности для манипулирования чужим сознанием и волей. Безусловно, указанные характеристики способствуют формированию *одномерной* личности, не связанной тесно с гуманистическими ценностями.

В то же время феномен виртуализации имеет и другие грани, позитивные в социальном отношении. Главным героем созданного «человеком информационным» виртуального пространства является он сам.

Цифровой Я-образ наполнен собственными мировоззренческими позициями, личностными интересами, установками, мечтами. Действительно, зачастую это совокупность симулякров, но в данном случае следует преодолеть скептическое отношение к симуляции. Подход, противоречащий Бодрийяру, полагает, что конечная цель процесса не замена реальности симуляцией, а наоборот, – замена симуляции реальностью. Возможные реальные ситуации симулируются для того, чтобы не пришлось переживать их и их негативные последствия в действительности. Поэтому многие симуляции носят превентивный и перспективный характер [15, р. 81–82]. В данном случае они не исключают человека из реального мира, а подвигают его к деятельности. Человек «проигрывает» в своем сознании варианты возможных жизненных, в том числе профессиональных действий и ситуаций.

Примечательно, что индивид активно управляет виртуальной жизнью виртуальной личности. Постоянный процесс коммуникаций со многими людьми самого разного социального уровня, посещение сайтов, получение информации, ее осмысление и оценка, возвышение до уровня знаний и т. д. развивают воображение, стремление и привычку к управлению, соучастию в выработке решений. Все это формирует субъект, воздействующий как на собственную вселенную, так и участвующий в создании глобального информационного пространства, соответствующих структур и сообществ. Следует подчеркнуть, что рефлексия, создание личности, автором которой является сам человек, – глубоко гуманистические характеристики бытия.

Стало быть, в целом взаимодействие человека-создателя с порожденным им информационным пространством формирует парадоксальную (и в то же время закономерную) ситуацию. С одной стороны, человек, фокусируясь на собственных ценностях и стремясь к самовыражению, утверждает себя в качестве глобального субъекта, демонстрирует независимость, творчество, стремление и способности к управлению. С другой стороны, слабеют его связи с реальными группами и организациями, с реальной жизнью в целом. Укореняясь в виртуальном пространстве, он оказывается максимально открытой системой, рискует потерей субъектности, подвержен манипулированию. Недостаточность критического мышления, «клиповое сознание» ведут к утрате индивидом смыслов, в том числе мировоззренческих, затрудняют усвоение и выработку знания. Подобное сплетение в «человеке информационном» разнонаправленных цивилизационных характеристик ставит вопрос об их соотношении и доминировании тех или других.

Для разрешения парадокса между двумя ипостасями человека важно верно локализовать детерминанты и онтологии гуманизма и технократизма. Имея в виду структуру общества, можно сформулировать следующую позицию: в части духовной культуры, характеристик человека гуманизм абсолютен, а его столкновения с технократизмом, проти-

востояние данных тенденций – удел экономической, политической, управленческой, социальной, информационной сфер, каждая из которых требует особенных шагов в снижении уровня этого противостояния. В то же время на более общем – философско-антропологическом – уровне рефлексии следует позиционировать ценности гуманизма как *цель*, возможности технократизма – как *средство*.

Доверие к принципам и идеям, составляющим фундаментальные ценности гуманизма, важно положить в основу создания современного информационного общества. В этом отношении отметим, что утверждение «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», во-первых, соответствует глобальной тенденции мирового развития. В целом речь идет о новых способах общественного развития как о прорывных, выводящих освоившую их страну в число передовых в современной цивилизации. Для России внедрение цифровых технологий жизненно необходимо. Отставание в цифровизации может привести к уже бывавшим в нашей истории научно-техническим запаздываниям, обрекающим страну на статус догоняющей и лишаящим ее конкурентоспособности. Во-вторых, главная цель заявленных в Стратегии действий – создание условий для формирования в России общества знаний. Помимо развития экономики, повышения эффективности государственного управления и социальной сферы, в документе особо подчеркивается необходимость способствования при опоре на соответствующие технологии развитию человеческого потенциала, повышению роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве, духовно-нравственному воспитанию и сохранению общероссийской идентичности народов РФ, обеспечению безопасности граждан и государства [14]. Как видим, заявленные цели вписываются в поле гуманистического развития, рассматривая в качестве центра событий человека.

Стремление «сдвинуть» его на социальную периферию, превратив из цели в средство развития науки и техники, реализуется посредством основного механизма дегуманизации – отчуждения. В процессе отчуждения те или иные качества, силы, практики, результаты деятельности человека, перенесенные в информационное пространство, преобразуются в факторы, противостоящие ему и подчиняющие его, превращающие индивида из субъекта в *объект* воздействия. Действительно, именно такова тенденция, порожденная к жизни технократизмом. Демонстрируя ее проявления, зачастую обращаются к технологиям, наглядно демонстрирующим умаление субъектности человека, – технологиям больших данных, искусственного интеллекта (ИИ) и феномену «искусственной социальности».

Большие данные как объем систематизированной и интерпретированной информации и интегрированный с ними ИИ представляют собой единую цифровую систему. Ее возникновение и действие в литературе описывают следующим образом: вначале мы формируем алгорит-

мы работы искусственного интеллекта, а потом искусственный интеллект формирует нашу жизнь [6, с. 38]. Предлагаемые большими данными решения в различных областях общественной жизни в этом случае позиционируются как эффективный инструмент решения управленческих и других проблем. Более того, существует тезис об имманентном для цифровых технологий «аутсорсинге принятия решения», утверждающий неизбежность подобного развития событий [11]. В цифровом обществе закономерно появляются новые субъекты социальной динамики – некие «электронные лица» [1, с. 121]. Факт участия агентов ИИ в социальных взаимодействиях в качестве их активных посредников или участников создает «искусственную социальность» [13, с. 4], в которой человек не полноправный субъект, а «один из».

Решения, вырабатываемые на основе большого массива данных с учетом существующих и существовавших вариантов, безусловно, могут быть эффективными в ряде случаев и при определенных обстоятельствах. Однако ситуацию не следует абсолютизировать. Она успешна лишь при стандартных, шаблонных условиях. В то же время формирование решения при опоре на определенные алгоритмы совершенно не гарантирует безошибочность, справедливость, гуманность.

Анализ проблемы больших данных приводит также к вопросу «даннофикации» – легальному способу доступа к мониторингу и пониманию поведения людей, оставляющих «цифровой след» [7, с. 52]. В этом случае возникает опасность тотального контроля, слежки, абсолютного лишения человека его приватности, ограничения возможности проявления себя в качестве субъекта.

Сформулируем некоторые выводы. Во-первых, возможность уменьшения качеств субъекта у человека создает его «одномерность», которая либо блокирует процессы проявления субъективного мира, оставляя его богатым втуне, либо ограничивает возможности развития личности, отодвигая на периферию личностных образований все то, что дает когнитивный потенциал культурно-антропогенной среды: фундаментальные ценности, сложность гуманистических значений, способность мышления и изречения, коммуникативные смыслы. Во-вторых, механизмом негативных процессов подобного рода выступает отчуждение. По сути, информационное пространство, претендующее на статус субъекта, – результат именно отчуждения. В-третьих, феномены киберпространства, в целом цифрового общества – это в определенном смысле эрзац-субъекты, не имеющие полноценных субъектных характеристик. Тот же искусственный интеллект, функционирующий посредством заданных алгоритмов, суть воплощение мыслительных и когнитивных способностей человека. Он способен вырабатывать содержательные новации путем «процеживания» огромного объема информации и ее сопоставления. Однако полученные варианты и суждения нуждаются в интерпретации, осмыслении, переводе из разряда сведений в статус знания, включении в систему

науки и т. д. Наконец, деятельность субъекта, отражая его интересы и стремления, всегда целенаправленна, в отличие от процессов в киберпространстве. Однако, в-четвертых, все это не умаляет научной и практической значимости проблемы соотношения субъекта и объекта в цифровом обществе, но создает необходимости и возможности ее разрешения.

Потеря такой возможности, как представляется, связана с переходом границ, разделяющих человека и постчеловека (естественного человека и искусственного человека). В направлении создания последнего движется идеология трансгуманизма, разрабатывающая соответствующие модели и утверждающая необходимость фундаментальных изменений человеческих характеристик с помощью достижений науки и технологий. Ранее в этом ключе рассматривались биотехнологии и киборгтехнологии. Появление компьютерной техники, создание огромных запасов электронной памяти, формирование глобального информационного пространства, по мнению теоретиков трансгуманизма, создало возможность переноса сознания человека из биологического тела в компьютер. То есть речь идет об отдельном бытии сознания, избавленного от ограничений тела, но существующего в рамках пространства и времени. Эти последние границы, как утверждается, могут быть преодолены посредством виртуальной реальности, которая «изымает» постчеловека из реальной жизни, но создает иную онтологию его бытия, где осуществляются любые желания... [9, с. 145]. Подобная логика развития событий, превращающая человека из цели в средство, существующая порой в русле антиутопий и угрожающая исчезновением человечества, в то же время во многом объективна и подвигает на глубокое исследование этих вариантов теории и практики.

Развитие взаимодействий между цифровым обществом и человеком информационным в интересах усиления у индивида качеств субъекта следует осуществлять на путях создания нового аспекта культуры – *культуры жизни общества на информационном этапе его развития.*

В социальной и гуманитарной науке началась разработка *цифровой культуры*. Этот термин первым использовал английский ученый Ч. Гир, сегодня проблема привлекает все большее внимание исследователей и практиков². Сложность в том, что феномен цифровой культуры адекватен эффективному использованию информационных инфраструктур. То есть имеет место ярко выраженный прикладной аспект. Это система социальных практик и артефактов, предполагающая владение информационными технологиями, умение работать с большими данными, вести поиск информации, осуществлять ее отбор в потоке данных и др. На «цифровой культуре» также настаивает трансгуманизм, понимая ее

² С 1 января 2019 г. в России началась реализация федерального проекта «Цифровая культура», связанного с внедрением цифровых технологий в культурное пространство и обновлением соответствующей инфраструктуры.

как процесс цифровой трансформации человека, культуры и окружающей среды в искусственный мир.

Для социальных и гуманитарных наук характерен широкий подход к феномену, при котором цифровая культура соответствует культуре общества на определенном этапе его развития. В этом смысле более уместен термин «культура общества знания» [5, с. 195]. Ее содержание должно соответствовать требованиям, одно из которых высказано М. Хайдеггером: «Мы можем пользоваться техническими средствами, оставаясь при этом свободными от них» [12]. Это качество философ определяет как «отрешенность от вещей» [12]. Второе принадлежит отечественному ученому А. Нариньяни: е-Номо призван стать «развитием вида Homo Sapiens, умноженным на возможности создаваемой им самим новой технологической цивилизации» [10, с. 58]. Кажущаяся противоречивость положений объясняется двойственным – гуманистическим и технократическим – характером современной глобальной цивилизации. Но при создании концепции культуры общества знания только такой подход позволит обеспечить разрешение проблемы человека-субъекта в цифровом обществе.

Список литературы

1. Агеев А.И., Аверьянов М.А., Евтушенко С.М., Кочетова Е.Ю. Цифровое общество // Экономические стратегии. 2017. № 1. С. 114–125.
2. Баева Л.В., Алексеева И.Ю. Е-Номо Sapiens: виртуальный микрокосмос и глобальная среда обитания // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 1. С. 86–97.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
4. Гуннар С. История философии. Человек как субъект. URL: <https://fil.wikireading.ru/51990> (дата обращения: 07.08.2020).
5. Елькина Е.Е. Цифровая культура: понятие, модели, практики // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2018. Вып. 2. С. 195–203.
6. Жулего В.Г., Балякин А.А., Нурбина М.В., Тараненко С.Б. Цифровизация общества: новые вызовы в социальной сфере // Вестн. Алтайской академии экономики и права. 2018. № 9 (ч. 2). С. 36–43.
7. Журавлева Е.Ю. Вызовы технологий «больших данных» для современных социогуманитарных наук // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 50–59.
8. Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории. СПб.: Изд-во «Лань», 1997. 384 с.
9. Маслов В.М. Постчеловеческий фокус философии высоких технологий // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: «Социальные науки». 2010. № 3. С. 140–146.
10. Нариньяни А.С. е-НОМО – ДВА В ОДНОМ (Homo Sapiens в ближайшей перспективе) // Открытое образование. 2005. № 2. С. 51–61.

11. О'Нил К. Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения. М.: АСТ, 2018. 294 с.
12. «Отрешенность»: Мартин Хайдеггер о вычисляющем мышлении и осмысляющем раздумье. URL: <https://cameralabs.org/10512-otreshennost-martin-khajdegger-o-vychislyayushchem-myshlenii-i-osmyslyayushchem-razdume>) (дата обращения: 07.08.2020).
13. Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д. Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 3–12.
14. «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017– 2030 годы», утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 07.08.2020).
15. Hinterwaldner I. Some Reflections on Computer Simulation // The Philosophy Journal. 2018. V. 11, № 4. P. 80–94.

A PERSON IN A DIGITAL SOCIETY: SUBJECT VERSUS OBJECT

Yu.A. Chernavin

State University of Management, Moscow, Russia

The article deals with the interaction of information structures of digital society and man through the prism of their characteristics as a subject and object. Against the background of the opposition of two main trends in the development of modern world civilization – humanism and technocratism – the author analyzes the possibilities, mechanisms, directions and contradictory consequences of subject-object dynamics in the relationship «information space – information man». The article substantiates the position of the dominance of the human subject as the Creator of the knowledge society, the conclusion about the need to develop and essence of the corresponding type of culture as the main factor ensuring this status of the individual.

Keywords: *person, subject, object, digital society, information space, humanism, technocratism.*

Об авторе:

ЧЕРНАВИН Юрий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и психологии управления ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, E-mail: uchernavin@yandex.ru

Author information:

CHERNAVIN Yuriy Aleksandrovich – PhD, Prof. Dept. of management sociology and management psychology, State University of Management, Moscow, Russia. E-mail: uchernavin@yandex.ru